

Через Меркури к Звездам

«ПЕР АСПЕРА – АД АСТРА»

БЕНОР ГУРФЕЛЬ
ЭЛИ ГУРФЕЛЬ

Бенор и Эли Гурфель

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ К ЗВЕЗДАМ

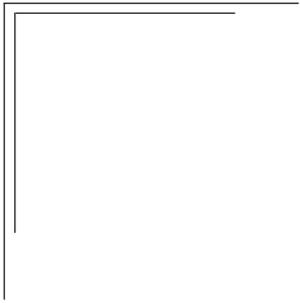
«ПЕР АСПЕРА – АД АСТРА»

128с., ил., издательство "Интерпринт"

Издание на русском языке
Бенор и Эли Гурфель

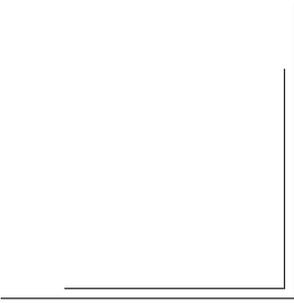
Дизайн, верстка, препресс
Луначёва Татьяна
avalokiteshwara@gmail.com

Бангкок, 2011

*Светлой памяти
Таммы Турдвалъ
посвящаем*

Май 7, 1936 - Октябрь 12, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1 _____ **9**

Воспоминания безмолвно предо мной
свой длинный развивают свиток
Июнь 1941

Глава 2 _____ **15**

Каневский мост
1941

Глава 3 _____ **21**

Школьные годы
1948-1951

Глава 4 _____ **31**

Уральский университет
1951-1956

Глава 5 _____ **37**

Институт Физики Металлов АН СССР

Глава 6 _____ **51**

Доктор Живаго

Глава 7 _____ **75**

Противостояние со смертью
1978-1982

Глава 8 _____ **91**

Воспоминания друзей о Талле

Глава 9 _____ **109**

Рисунки Таллы "Образы Души"

Эпилог _____ **129**

Глава 1

Воспоминания безмолвно предо мной
свой длинный развивают свиток

Июнь 1941г.

Первые в жизни воспоминания Таллы были связаны с началом Большой Войны. Еще вчера вечером прибежал запыхавшийся посыльный из конторы и сообщил, что только что звонила из города тетя Сарра и велела передать дедушке и бабушке, чтоб немедленно, собрав все необходимое и снарядив пятилетнюю Таллу и пятнадцатилетнего Борю в дорогу, покинули бы дом, эвакуируясь на восток в Бердичев.

Эта новость как гром среди ясного неба разбудила деревню. Хотя война длилась уже пару недель, жители Янушполя не ощущали еще непосредственной угрозы для их семей и имущества. Все казалось переможетя, пройдет стороной. Дед в первую мировую воевал, был в плену, работал у немцев на ферме и навсегда сохранил уважение к немецкой работоспособности и бытовой культуре. И сейчас, когда пришло время решать судьбу семьи, он заколебался. С одной стороны, он знал и ценил трезвый взгляд и решительность своей Сарры, но с другой стороны – он помнил и ценил организованность и культуру поведения немецкой армии. Пожалуй, лучше всего было бы ничего не решать «с панталыку», а немного подождать и посмотреть, как развернутся события. И он принял решение.

– Значит так мать, – произнес он, глядя на бабу, – Таллочку вместе с Борей будем отправлять прямо сейчас, а мы с тобой, старая, подождем еще несколько дней, а там посмотрим что и как..

И мрачная, с трясущимися руками, бабушка поплелась укладывать немногие Таллины и Борины пожитки.

Надо отметить, что бабушка Зисел Новик (1871-1942) была, пожалуй, самой необычной из всех Таллиных предков. Она родилась в большой патриархальной семье в Бердичеве. Выдали ее замуж за коммивояжера из Одессы в довольно молодом возрасте. Муж увез ее в Одессу и создал, по-видимому, весьма неплохую жизнь, с обычной точки зрения. Но бабушку такая светская жизнь совершенно не устраивала, и она, забрав трехлетнего сына, уехала в Бердичев. Муж приезжал и уговаривал ее вернуться, но она не согласилась. Содержала себя и сына самостоятельно (это происходило в конце девятнадцатого века!!!). Делала искусственные цветы и венки из шелка и бархата, которые были весьма популярны и за пределами Янушполя. Сын, к сожалению, умер и она еще долгое время жила одна, пока не вышла замуж (по-видимому по сватовству) за вдовца с пятью детьми Взавела Полторака и переехала в Янушполь. Она была очень религиозной, до конца своей жизни соблюдала «кашрут», каждую субботу ходила в синагогу, и, поскольку, не умела читать на иврите, мечтала, что ее дочь Сарра научится читать на иврите, и будет ходить с ней в синагогу. Сарра, действительно, научилась читать на иврите. Но это уже было в Израиле, много лет спустя после гибели бабушки. А сейчас, стоя над раскрытым Таллиным чемоданчиком, она колебалась: стоит или нет укладывать внучкино зимнее пальто?

– Да ты что мать? – уверял Бэрл. – Куда ей зимнее пальто? Война закончится через три месяца!

– Кто знает? Кто знает? – неуверенно возражала бабушка...

И, когда через три дня, они голые и босые бежали из Бердичева, оно оказалось единственной теплой вещью в их нищенском багаже.

Легко было Бэрлу заявлять о немедленном отправлении детей в Бердичев, но гораздо трудней было это осуществить реально. Оказалось, что за последние два-три дня весь возможный наличный транспорт был мобилизован местными властями для вывоза районного начальства, активистов и их семей. Правда по межрайонному шляху время от времени с воем проносились военные грузовики, загруженные военным оборудованием и ранеными. Но надежда, что они подберут стоящих на дороге мальчика и девочку, была невелика. Так проходил час за часом. Дорога то заполнялась военным и штатским населением, то пустела в ожидании следующего потока. Было пыльно, душно и жарко. Обессиленная, Талла опустилась на раскаленный гудрон дороги и прикрыла глаза, пытаясь спрятаться от его режущего сияния. Вдалеке показалась телега, влекомая заезженной парой лошадей. На телеге сидел молодой парень, не намного старше Бори, и лихо пощелкивал кнутовищем.

– Што не берут явреев? – осведомился он, придерживая лошадей. Услышав незнакомый голос, задремавшая было Талла, подняла голову, и, увидев говорящих, одернув платице, подошла к ним.

– Куда путь держите?

– Я еду к бабушке в Бердичев, а дядя Боря меня провожает – дружелюбно и звонко ответствовала Талла.

– Ух ты, какая лихая! – засмеялся парень. – Ну в таком деле сидайте на фуру, постараемся доехать до твоей бабки. И он споро, покидав в телегу Таллин чемоданчик и Борин вещмешок, тронул лошадей.

Родители Таллы
1930г

Глава 2

Каневский Мост

1941г.

В Бердичев приехали уже под вечер. Город был пустынен и тих. Всюду были видны следы недавних разрушений: разбитая мебель, выбитые стекла, рулоны газет. Их квартира не пострадала, но была заперта с запиской, оставленной на двери. В ней мать писала, чтоб после приезда в Бердичев, они должны немедленно идти на квартиру к Гендельманам, где соберутся все родственники, и будет решаться вопрос об отъезде. Пока добрались до Гендельманов, началась очередная бомбежка, которая длилась всю ночь. А на следующее утро Гендельманы эвакуировались, и Фиши уехали вместе с ними в чем были: без денег, без документов и без вещей.

Вот уж неделя, как они покинули Бердичев. Покинули под вой мессершмидтов, грохот разрывающихся снарядов и треск горящих домов. Вот уж три недели, как шла война. Немцы продвигались быстро. Радиосводки были неопределенные. Изю дня в день, изю дня в день «бои местного значения...». Где наши, где немцы, понять невозможно. Дочь еще до войны была отправлена в местечко к бабушке, к западу от Бердичева. Буквально в последние минуты удалось дозвониться и передать, чтоб немедленно уходили. Бабушка и дедушка не ушли (Как это оставить дом? Нажитое?) и остались там навсегда. А пятилетнюю Таллу удалось посадить в один из последних грузовиков отступающей военной колонны. А ночью началась бомбежка, и рано утром, не заходя домой, они покинули город. Спасибо Илье, согласился взять их с собой. У него была повозка, две лошади, он знал дороги и

повел их не по большаку, а по проселочным тихим местам. Они проходили села, где советской власти уже не было, но немцы еще не пришли. Их кормили и давали немного с собой. Лошадям кидали охапку прошлогоднего сена или соломы. Но нигде не предложили остаться и отдохнуть. Только молча смотрели и участливо вздыхали. Так они миновали Попельну, Замараевку, Казатин, приближаясь к Каневу. Они не знали, что немецкие клинья с севера и с юга уже прорвали фронт и должны были сегодня сомкнуться именно тут – у Канева.

Мысли Исаака так глубоко ушли в прошлое, что он не сразу почувствовал, как кто-то дергает его за рукав. Подняв глаза, он увидел дочь на руках у матери, протягивающую к нему руки. Перебравшись к отцу, она прижалась к его груди своим худеньким телом и замерла. От ее волос шел полынный запах степи, чабреца, полевых трав и еще чего-то – у Исаака защипало в носу. Он глубоко вздохнул, поудобней пересадил дочь на сгиб локтя и, обогнав неспешную телегу зашагал, выглядывая: что там, за поворотом?

А за поворотом открывалась новая неизвестная картина. Далеко в низине виднелась узкая полоска Каневского моста через Днепр. К мосту сходилось несколько дорог и по ним к Днепру спускалось множество телег, пешеходов, среди которых изредка пылили грузовики, наполненные солдатами. Вся эта масса военных и невоенных людей текла на восток, сжимаясь у узкого горла моста и стремясь протиснуться сквозь это горло как можно быстрее. Их телега, ускоряя ход, вли-

лась в длинную кишку ползущую туда – к мосту. Спереди них оказался полуразбитый газик, набитый сверх меры бумагами какой-то канцелярии, на которых восседал толстый мужчина в полувоенном зеленом френче. За рулем сидела невзрачная, сурового вида девица в куртке, на которой было прицеплено множество осовиахимовских, ворошиловских и всяких иных значков. Сзади оказалась группа усталых солдат. Большинство в обмотках, в грязных заскорузлых гимнастерках, давно не бритые, с черными подглазьями на серых измученных лицах.

До моста оставалось еще метров сто, как вдали раздался и стал быстро нарастать воющий звук пикирующих бомбардировщиков. Эскадрилья мессершмидтов шла на восток. Шла спокойно, красиво, в полном боевом строю. Три машины отделились и, наклонившись на левое крыло, одна за другой стали заходить на мост. Началась паника. Девица впереди резко повернула руль, пытаясь съехать с дороги. Машина завалилась на бок, колеса беспомощно крутились в воздухе. Лошади заржали и начали вставать на дыбы. Илья изо всех сил оттягивал вожжи, но остановить коней не мог. Раздались крики женщин и детей. В этот момент трое солдат кинулись на выручку. Двое повисли, держась за узды обезумевших коней, а третий, вспрыгнув на облучок, тянул вместе с Ильей вожжи. И лошади встали. По их крупам пробежала крупная дрожь.

– Погоняй! – неистово закричал один из солдат.

Илья хлестнул бичом, и лошади рванули к мосту. Вот под ко-

лесами слышался дробный стук мостового покрытия. В этот момент раздались первые взрывы бомб – справа и слева от моста. Все, кто успел взойти на мост, пытались уйти от разрывов, от смерти – бежали, что было сил, вперед, к видневшемуся там леску. Все, кто не дошел до моста, бежали назад, подальше от центра бомбежки. Вскоре немцы разбомбили Каневский мост и замкнули кольцо. Каждый, кто успел перейти мост, был приговорен к жизни.

А кто не успел – к смерти.

Глава 3

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

1948 - 1951гг.

Активный, наступательный Таллин характер проявлял себя с самых ранних лет. Достаточно привести хотя бы пару примеров:

«А нуте-ка, девки, давайте-ка споем!»

Лето 1948 года. Запах соснового бора, поселковая школа за лесом, уральское светло-голубое небо, розовые восходы и закаты за рекой, неповторимое ощущение детства. Было тогда Талле совсем немного лет, когда познакомилась она с Лией Львовной. Знакомство это произошло на кулинарной почве. Приближался день рождения младшей сестры – Ины. И Сарра решила испечь рыбный пирог. Но напрасно она ежедневно навещала в три местных магазина. Напрасно упрашивала продавцов или знакомых «достать» рыбу, хоть и втридорога, рыбы не было нигде. И вот тогда-то она и поделилась своими заботами с Лией Львовной. «Так у вас есть проблемы с рыбным пирогом? Ну зачем вам это? Ведь можно приготовить просто, вкусно и оригинально. Ну, например, что вы скажете в отношении лукового супа по-парижски, затем грибы с вином в сметане, пирог с сыром и на десерт – «Наполеон»?! Мать была сражена, запахло Монмартром. Так началась дружба Таллиных родителей и самой Таллы с Лией Львовной. Несмотря на большую разницу лет, и старая и молодая общались с удовольствием. Лия Львовна любила разговаривать с этой не по годам развитой, полной жизни девочкой с большими черными глазами. Талла слушала рассказы Лии Львовны с замиранием сердца. Как-то встретив ее на улице, она сказала «заговорщицким» тоном: «Приходи,

Таллочка, ко мне, скажем, завтра вечером, приятель прислал мне посылочку, и я тебе что-то покажу.»

С трудом дождавшись завтра, поскорей выполнив уроки и вымыв посуду, Талла помчалась к Лие Львовне. Встретив ее и усадив, та торжественно внесла и поставила на стол некий аппарат с трубкой и коробку со стеклянными пластинками. Повесив на стену белую простынку, она вставила диапозитив в трубку и включила лампочку.

– Сейчас мы с тобой пройдемся по Парижу, а начнется наше путешествие с Эйфелевой башни, и двигаться мы будем по направлению к Триумфальной арке. Итак, мы стоим с тобой у подножия Эйфелевой башни. Видишь, вот вход в лифт, сейчас мы с тобой поднимемся наверх... Вот мы наверху, и перед нами раскинулся весь Париж.

Это было волшебное путешествие. На стене бедно обставленной комнаты, посреди Уральских гор, из стареньких пожелтевших диапозитивов изливался, сверкал, шумел и переливался огнями великий город. Так произошло первое Таллино приобщение к мировой культуре.

«Guten Morgen, Guten Tag – хлопок по морде вот так-так!»

Шахты в Угоринском каменноугольном бассейне строились немецкими военнопленными. Привозили их рано, под незначительной охраной и увозили уже затемно. Работали они «ни шатко, ни валко», занимаясь больше поисками пропитания в окружавших лагерь поселках. Конечно, местная детвора не пропускала случая, чтобы не подразнить и не пошвыстать вслед бродящим вокруг немецким солдатам. Есте-

ственно Талла принимала самое активное участие, в этих, как они называли между собой, цурюкмахт вылазках.

В кабинете у отца издавна валялся старый разряженный пистолет. Не сообщив родителям, она вытащила пистолет, сунула его за пояс и побежала к своим дворовым друзьям и приятельницам делать «цурюк». Приблизившись к рассыпавшимся по двору немцам, они стали кричать, свистеть, кидать камни и кривляться. Охраны нигде не было видно. И когда Талла вытащила пистолет и стала наводить его на немецких солдат, те не выдержали, и один из них помчался за Таллой вслед. Неизвестно, чем бы кончилась эта история, если бы вдали не показался наш конвоир. Это остудило страсти, и конец работы прошел тихо, если не считать вызова отца в местное МВД и серьезного внушения, сделанного ему его начальником.

Из воспоминаний Инны Клюевой

Талла пришла весной в седьмой класс нашей школы. Завуч привела яркую девочку небольшого роста с черными бровями. Она села за первую парту у дверей. На перемене мы познакомились и как-то сразу заинтересовались друг другом. Поразило, что она уже ознакомилась с Оперным театром, его репертуаром, а мы многие были заядлыми театрами. Талла учила немецкий язык, но решила учить English, потому что не захотела уходить из нашего класса. Моя мама вела у нас английский, она была отличным методистом и стала

с Таллой заниматься. Талла очень способная, с отличной памятью. В общем, освоение английского на фоне немецкого пошло успешно. Летом Талла ездила к нам на Фрунзе с Вторчермета. Конечно, наряду с занятиями, мы и бесились как нормальные дети, осваивали велосипед; еще Талла читала «Хождение по мукам» А.Толстого, так как почему-то дома ей не дали.

Вспомнился эпизод: в восьмом классе 7 ноября родители Таллы вместе с сестренкой Инной уехали в гости. А Талла на демонстрации предложила мне, Галке Ослиной и Ире Чановой поехать к ней, естественно, с ночевой. Блеск! Одни дома! С трудом, но уговорили родителей отпустить нас. Ужасно обалдевшие от такой самостоятельности четыре положительных девочки хохотали, говорили все разом, орали, так спорили, что охрипли. Шум, видно, был по всему подъезду. Вернувшихся родителей соседи спрашивали о шумной компании у Таллы 7 Ноября. Мы потом с Таллиной мамой повеселились, обсуждая, как хорошие девочки просто голосовыми связками сумели создать впечатление огромного собрания.

На экзамене по математике в восьмом классе нам не нравились билеты №1 и №13 с вопросами, связанными с иррациональными числами. Вызывают меня – билет №13. Компания веселится. Затем Талла берет билет №1. Снова веселье! Вообще мы любили смеяться, шутить весело без ехидства. Еще момент. В девятом классе у нас была неуверенная математичка, и она вводила начала высшей математики.

Так Талла и Ко сумели убедить ее и так запутать в том числе и себя, что потом в УрГУ сами еле выбрались из созданного представления. В девятом классе у нас появился замечательный историк Чанин Джолиnard Павлович. Талла предложила организовать исторический кружок. Чанин согласился. Мы лепили из самодельного папье-маше панораму Севастополя. А на этом фоне разыгрывались дискуссии, диспуты на самые разные темы. Наверно это было смешно и забавно. Нас было семь или восемь человек, и все из нашего класса.

Кружковцы все решили пойти учиться в университет, но трое - Талла, Галка и я никак не могли определиться со специализацией, чем беспокоили родителей. И вот, в мае, в День рождения Таллы, когда мы сидели за столом, мама спросила, когда же мы выберем путь. И тут родилось решение идти на физику, ибо там много точек приложения знаний. Удивили физичку, она ревновала нас к историческому кружку. Мы же были отличницы. В десятом классе вернулся наш любимый математик и сразу дал контрольную. Помнится, что была спешка, и Талла подписала свой листок: «Контроль Фиш». Конечно потом это обыгрывалось.

Все трое шли на золотые медали. Но к великому огорчению учительницы русского языка и других, Талла написала «конвеер» без «й». Прекрасное сочинение и эта «ляпа». И поэтому «серебро».

Когда мы узнали о зачислении в УрГУ нас троих, родители отправили в пионерский – школьный лагерь. Там Талла чуть не утонула. Она плавала плохо, но баловалась, брызгалась

и вдруг кричит: «Я тону!». Я плохо видела и думала, что опять шутит, но Галка поняла, что это правда и вытащила Таллу. Это были школьные смешные годы. Мы были дружны и близки.

В 91-м году мы встретились. Столько всего произошло, а как будто все те же. У меня сохранился, как память, флакончик с аспирином, который тогда привезла Талла (она знала, что у меня недавно был инфаркт).

Не верится, что Таллы нет. Нет, она есть в нашей памяти. Как говорит китайская мудрость: «Умершие остаются с нами, им нравится, когда мы помним их и думаем о них хорошо. Им нравится, когда мы живем хорошо. А жить хорошо:

- это не ссориться с собой;
- не обижать себя;
- не обманывать себя ».

Трудно, но надо....

Школьные годы
1948 - 1951 гг.

Глава 4

Уральский Университет

1951 - 1956 гг.

Окончив школу с серебряной медалью и легко сдав вступительные экзамены, Талла стала студенткой физмата Уральского университета. Началась зажигательная студенческая пора. Концерты, студенческие пирушки, новые друзья, экзаменационные сессии – все это заполняло жизнь, некогда было оглядываться.

Однако примерно с третьего курса стала она сближаться с определенным кругом лиц. Участники этого круга относились к научной, художественной или служебной интеллигенции. Их дети отличались определенной начитанностью (Хемингуэй, Ремарк), пели под гитару цыганские песни, сочиняли стихи, любили Вертинского и Есенина и относились критически к преподавателям марксизма-ленинизма, называя их между собой «колунами».

Шло нелегкое время, полное тревог и неожиданностей. Время конца 40-х – начала 50-х годов. Только что прогремела на всю страну Августовская сессия ВАСХНИЛ. Низко склонив головы и пряча глаза, покидали зал псевдоученые, разгромленные вейсманисты-морганисты и прочие сторонники псевдонауки – генетики.

Но на этом не кончилось. Через три месяца Маленков дал задание Академии Наук и Министерству Высшего Образования начать готовить новое всесоюзное совещание. На этот раз речь шла о состоянии идеологии в физической науке и образовании. Был создан оргкомитет во главе с Топчиевым и академиком Абрамом Йоффе. Этим комитетом было проведено около 40 заседаний, рассмотрено свыше 100 докладов.

Только программа совещания составлял около 1000 страниц. Основной удар намечалось нанести по теории относительности и квантовой механике. Обе эти теории новой физики не укладывались в рамки марксистской философии и потому были объявлены «физическим идеализмом», которому нет места в советской науке.

Немалое место в деле воспитания студенческой молодежи в духе ленинизма занимали поездки в близлежащие колхозы для уборки урожая

Из воспоминаний Нины Беловой

О студенческих поездках в колхоз

После окончания занятий нас вместо каникул отправляли для уборки урожая в колхоз.

Мы с Таллой попали в одну бригаду – 25 человек. Таким образом, наши занятия и, соответственно, накопление учебного материала отложилось на полтора - два месяца. Важно было помочь колхозникам собрать урожай с полей. Итак, погрузили нас на открытые грузовые машины и везли как овец 2-3 часа по бездорожью. Но в молодости все проходит легко. Мы радовались возможности общения, по дороге пели песни, смеялись и т.д. Привезли нас в захудаленькую деревеньку Талицкого района. Выгрузили, распределили по 6-8 человек и поселили к колхозникам в избы. Условия жизни погасили нашу веселость. Мы начали догадываться что нас ждет. Талла, Джона, я и еще 2-3 девочки попали в одну избу.

Предложили нам спать на полу. Не было у деревенских ни матрацев ни белья. Пришлось из сена набивать мешки и это стало нашими кроватями на все время пребывания. Спали вповалку. Так мы прожили до отъезда.

На утро нас подняли рано на работу (6 утра). Вывели на огромное до горизонта поле. Разбили нас на группы по три человека: один юноша и девочки в звене. Каждому звену предлагалось убрать вручную по одной полосе. Ребята копали лопатой а мы вдвоем руками собирали картошку в ведра и пересыпали в общую кучу. Ботву тоже мы откидывали в общую кучу. Мы с Таллочкой попали в одну тройку. Поставили нам сильного деревенского парня – Володю Антоненко. Началась уборка. Наш ведущий Володя шел очень мощно и быстро. Мы старались поспевать за ним, но вскоре стали отставать. Он только недовольно оглядывался и шел вперед. Мы выбивались из сил, перед глазами вспыхивали красные точки. Работа в наклон, да еще в быстром темпе для нас оказалась непосильной. Мы были не приспособлены к ней. Выросли мы на асфальте и физически были слабы: голодали в войну и после тоже не ели досыта. Все это сказалось на нашем формировании. Я весила в ту пору 43 кг. При росте 162см. Талла тоже не была богатырского сложения. Обессиленные, мы часто отходили и падали на кучу ботвы – отдохнуть. Это усугубляло наше отставание. И мы, конечно, не смогли пройти всю полосу до вечера.

Вечер после работы запомнился. Бригада собралась на собрание, на котором нас осудили за недобросовестное

отношение к работе. Нам с Таллой показалось это несправедливым. Остался неприятный осадок и неприятие комсомольских собраний вообще. Зато с этого дня мы с Таллой стали подругами, как оказалось, на « всю оставшуюся жизнь ».

Уральский университет
1951 - 1956 гг.

Глава 5

Институт Физики Металлов АН СССР

В развитии научной жизни на Урале немалую роль сыграла уральская группа физиков (Вонсовский, Садовский, Счастливец и др.). Сейчас это уже быльем проросло, и затмилось новыми именами, но тогда, в 1932 году, группа молодых и талантливых физиков (Шубин, Остроградов, Шур, Михеев и др.) по решению Совнаркома, покинув Харьков, переехала в Свердловск и создала там центр как основу развития современной физической науки. Во вновь созданный институт (ИФМ СО АН СССР) принимались только лучшие из лучших многообещающих студентов.

Из трех возможных кандидатов попала туда и Талла Фиш. Способная и быстро соображающая, она легко волилась в состав элитарной группы молодых физиков (Плишкин, Талус, Трахтенберг), заняв в ней подобающее место. И, когда встал вопрос о том, кто будет представлять молодые кадры ИФМ на общеинститутском собрании, большинство голосов склонилось к ее имени. Но это было на поверхности. По сути, проблема существовала в глубине, и заключалась она в идеологическом конфликте между поколениями старых и молодых физиков.

«...Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне. Дело не в простом расчете, дело в мировом законе...». Молодые строили свое мышление на теории относительности и квантовой механике, старые – на статистике и туманных представлениях о некоем начале и конце Вселенной. К этим глубинным представлениям добавлялось относительно свободное и критическое мышление современных отечественных

физиков. Во всяком случае, первые в городе песни Окуджавы и Высоцкого прозвучали именно из Института Физики.

Консервативные круги в институте группировались вокруг Зефира Гаясовича Факидова. Он был неоднозначной фигурой. Выпускник Ленинградского Университета, он стал известен как участник легендарного Папанинского дрейфа, за что был награжден Орденом Трудового Красного Знамени, активно сотрудничал с органами в 30-е годы. Такова была фигура, предназначавшаяся к изложению взглядов эстаблишмента на положение в физической науке. Естественно, Талла и ее друзья почувствовали себя неуверенно. Уж слишком неравным было соотношение сил. С одной стороны, опытный, поднаторевший в идеологических сражениях демагог, а с другой – только что окончившая курс, неизвестная никому девочка.

Актальный зал был полон. Давно уж обсуждение общественных проблем не вызывало такой интерес. Важно было узнать отношение академика Вонсовского, однако этот опытный и старый политик не спешил обнародовать свою позицию. Слывя сторонником либералов, он, тем не менее, заявил при встрече с молодыми сотрудниками: «Вот вы недовольны существующим положением дел, и я согласен с вами. Но ваша критика не выходит за рамки отдельных лабораторий. А почему бы вам не выступить открыто, перед всем коллективом института. А? Кишка тонка?..»

...И вот долгожданное собрание началось.

– Слово по повестке дня предоставляется младшему научному сотруднику Талле Гурфель.

И с подкашивающимися коленками она двинулась к трибуне. – Господи! Сколько незнакомых лиц! Неужто все они работают в Институте!

И глубоко вздохнув, она начала: «В нашей прессе все чаще и чаще появляются статьи о необходимости использования новой технологии, новых методов измерения и новых материалов... Однако, если обратиться к опыту наших лабораторий, то окажется, что большинство из них до сих пор руководствуются инструкциями пятидесяти или шестидесятилетней давности, с допусками на прочность в 4 – 5%. В то время как американцы работают уже с допусками 1-2%. Так в нашей лаборатории магнитных явлений, которую возглавляет Зефир Гаясович Факидов, всем известный и заслуженный человек, до сих пор доводка образцов осуществляется вручную, что искусственно завышает допустимый коэффициент риска. Это были только отдельные примеры из длинного списка фактов, свидетельствующих о техническом отставании нашего академического института».

Когда Талла закончила, в зале стояла мертвая тишина. Потом раздались жидкие аплодисменты. Стараясь не встречаться глазами, сотрудники института покидали зал. Уже у выхода Вонсовский подошел к Талле.

– Блестящий доклад! Поздравляю! - криво улыбнулся он.

– Но, пожалуй, Факидова не стоило задевать. Вот теперь-то и начнется петрушка.

Прошло несколько дней, и предсказанная Вонсовским «петрушка» началась. На доске объявлений появилось сообщение о том, что в ряде институтских лабораторий, в том числе в рентгеновской лаборатории, где работала Талла, ожидается переаттестация сотрудников. Для этого необходимо представить список научных трудов, отзывы на журнальные статьи, характеристики общественных организаций на кандидата и пр., и пр. Ознакомившись с объявлением, Талла поняла, что ей не работать в рентгеновской лаборатории и стала искать себе место. Начались, по выражению ее мужа, «поиски вчерашнего дня». Завлабы и старшие научные сотрудники нуждались в специалистах по рентгеноструктурному анализу, но, с другой стороны, влезать в это склочное дело никто не хотел. Талла уже начала терять любую надежду на трудоустройство, когда на горизонте появился Соколов.

Было тогда Евгению Соколову 35 лет, и находился он в самом начале своей недолгой карьеры. Уроженец Урала, он был красив суровой мужской красотой, прыгал с Уктусских гор, играл в хоккей, легко брал стометровку. При этом он был надеждой своего шефа – академика Садовского, который мечтал сделать из него своего приемника. И вот, встретив однажды после очередного отказа угрюмую Таллу, он предложил зайти в институтское кафе и выпить по чашечке кофе. С этой «чашечки кофе» изменилась Таллина судьба.

Удивительно быстро они нашли общий язык и взаимопонимание как по профессиональным, так и по общественным вопросам. Возникает вопрос: случайно это или нет? Нам ду-

мается, что не случайно. Группа Соколкова входила в состав капитальной лаборатории металловедения Садовского.

Как Садовский – сын священника – возглавил лабораторию академического института нам неизвестно, но хорошо известно, что в годы войны он сделал крупный вклад в дело обороноспособности государства, был отмечен и награжден. Видимо поэтому он обладал определенной «степенью свободы» в подборе научных кадров. Как бы то ни было, к всеобщему удовлетворению, Талла начала успешно трудиться в группе Соколкова.

Шли годы, годы труда и успехов. Талла заканчивала набор опытного материала для кандидатской диссертации. Соколков трудился над литературным обзором источников для своей докторской. Последнее время он чувствовал себя неважно. Какие-то странные боли в пояснице, быстрая утомляемость, потливость по ночам. Врачи колебались, анализы были противоречивые. И тут подвернулась научная командировка в Англию, Кембридж. Английский врач, сухой и немногословный, быстро проделал необходимые проверки, пробежал глазами заключение русских врачей и, глядя в стол, сказал: «Ну что ж, профессор, картина достаточно ясная. У вас канцер прямой кишки. Непонятно, почему ваши местные врачи не сообщили вам об этом... Опухоль метастазирована. Если вы хотите, я могу вам прямо сегодня удалить опухоль, что даст вам дополнительные четыре-пять месяцев жизни... Идите и подумайте, приходите ко мне через час и сообщите о вашем решении...»

Выйдя от врача, Евгений Николаевич тяжело опустился на близлежащую скамью, – Что ж, Женя? *Finita La Comedia* - почему-то по-итальянски спросил он себя. – Вроде бы рановато. Но ничего не поделаешь. Не мы выбираем сроки.

Сквер, где он сидел, заполняли студенты – видимо, наступил перерыв. Они рассаживались на траве, доставали бутерброды и бутылочки Колы, шумели, смеялись и кричали. Евгений Николаевич был отделен от них. Там, где был он, разливалась тишина ...

Соколков умер через пять месяцев после посещения английского врача. Его смерть серьезно сказалась на работе лаборатории. Продвижение Таллиной диссертации замедлилась, а потом и вовсе прекратилось. Академик Садовский так никогда и не оправился от смерти своего ученика.

Из воспоминаний Нины Беловой

Поездка в Феодосию

Это было летом 1976 года. Наши мальчики Алик и Саша окончили школу! Вставал вопрос об их дальнейшей учебе. Но прежде надо было детям отдохнуть.

В то время мы жили уже в разных городах. Было огромное желание встретиться и вместе отдохнуть. Созвонились и решили поехать в гарантированно теплые места, в Крым, в Феодосию. Это был июль месяц.

Встретились в Москве, а дальше вместе добирались до Феодосии. Мы были без мужей. Доехали до Феодосии, а дальше

я предложила остановиться не в городе, а в селе в 6-7 км от города с автобусным сообщением. Здесь был прекрасный не перенаселенный людьми пляж и тихое место. Я здесь жила летом несколько лет назад. Пошли по знакомому адресу и удачно устроились.

Погода была теплая и солнечная. Мы предвкушали спокойный отдых. Он был нужен нам всем. Конечно, с питанием в ту пору было очень неважно, так было всюду. А вот зелень и фрукты были на рынке неплохие. Все как будто складывалось неплохо. Начали купаться, понемногу загорать, наслаждались летней погодой и морем. Жили хорошо, старались гнать от себя тяжелые мысли. Ведь их было немало, особенно в вашей семье.

Вы добивались разрешения на выезд. Как это трагически сложно оборачивалось для вас в случае отказа, вам было известно.

Таллочка разговаривала со мной об этом, но старалась не омрачать никому отдых. Ребята были дружны и очень радовались встрече и возможности общения. Часто мы ездили в город, ходили в музей Айвазовского (прекрасный музей), плавали на пароводиках по морю и даже посещали ресторанчики. Время от времени хотелось вкусно поесть. Все вроде складывалось неплохо. Отдыхали первую неделю в радости.

Не бывает безоблачных дней. В буквальном смысле они наступили. Неожиданно подул сильный ветер, и сразу море охладилось сначала до 15 гр. Цельсия, а потом и вовсе до 8.

Купание стало невозможным. Оставалось только пребывать на пляже под зонтиками и ждать, когда снова согреется море. Но тут новая напасть: стали кружить над пляжем самолеты и сбрасывать тучи "божьих коровок". Это был способ борьбы с вредителями на полях винограда и других фруктов. Но... доставалось по-полной нам. Эти твари сплошным ковром покрывали наш пляж, наши подстилки и тела. К тому же они здорово кусались. Покой и радость оставили нас, началась борьба с гадами, в которой они всегда побеждали. Мы в эту пору стали чаще уезжать в город на разные экскурсии.

Вторая неприятность: объявился откуда ни возьмись бывший квартирант наших хозяев. Он знал меня и Сашу по первому нашему приезду (тогда он был совсем молодой человек и снимал тут квартиру). Здесь все друг друга знают, кто-то сказал, что мы приехали. Пришел навестить, оказалось, что он теперь работает в милиции!!! Этого только не хватало! Талле стало не по себе, и все понятно почему. Вот уж чего не хватало. Как оградить моих друзей от неприятного и может быть опасного контакта. Когда он у нас появлялся, я старалась брать огонь на себя и на правах старой знакомой выводить его под любым предлогом с нашего двора, подальше от Таллы и Алика. Но это сильно нас тревожило.

Так негладко складывался наш отпуск. К счастью, никаких нежелательных последствий от этих визитов не было.

Вот наступило время уезжать, отпуск заканчивался. Таллочка сказала: в следующем году будем отдыхать на нашем

побережье. Погода здесь как и у нас неустойчива и непредсказуема. А ждать погоду у моря приятнее у нас, так как цивилизации намного больше.

Кто знал, что это наш последний совместный отдых на этой земле! В мае 1977 г. вам разрешили покинуть СССР, и мы расстались на долгие годы.

Из воспоминаний Вали Умовой

Это было во второй половине 60-х годов. Мы с Таллой вдвоем отдыхали в Литве (в г. Нида). Все складывалось прекрасно: погода теплая, устроились хорошо и даже приглядели недалеко от нас очень симпатичный ресторанчик. Днем он работал как кафе, мы в него заходили пообедать, а вечером он превращался в ресторан. Ужинали там в сопровождении музыкантов, и люди рвались туда, как в театр. Собиралась толпа желающих попасть внутрь, стояли в ожидании своей очереди.

Вот однажды мы пришли днем пообедать прямо с пляжа. Таллочка была в шортах (запрещенная по тем временам одежда - символ безнравственности!), и нас швейцар не впускал. На вопрос «почему?». Он ответил, что не положено в шортах. Однако, мы увидели, что там за столиком сидит группа людей, и некоторые из них были в шортах. Мы спросили его: "Почему тогда у вас сидят люди в шортах?" Ответ: "Это иностранцы!" Мы возмутились и попросили вызвать главного администратора. Пришел главный, и мы ему сказа-

ли, что такая политика - это дискриминация своих сограждан. После этих слов, нас с извинениями пропустили в зал и даже предложили место.

После этого случая мы получили преимущество и в вечернее время. Швейцар, заведя нас в толпе, приглашал войти сразу же, без очереди и даже сервировали отдельный столик. Мы чувствовали, что нас стали уважать за наше чувство собственного достоинства.

Так Таллочка умела достойно постоять за себя.
Пустьячок, но приятно!

Изоплит

Первомайская демонстрация

Зима

Молодость

Крым

Глава 6

Доктор Живаго

В 1965 году страна и весь мир были захвачены скандалом, разразившемся вокруг публикации романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» и присуждения ему Нобелевской премии. К этому времени Талла и круг ее друзей были достаточно широко вовлечены в дела и интересы оппозиционной интеллигенции. Обильно курсировал «самиздат» и «тамиздат», песни бардов собирали тысячные аудитории, на вечера поэзии невозможно было проникнуть. Мы уже отмечали, что Институт Физики Металлов, в какой-то мере, был «лакмусовой бумажкой» для подобных изменений. И, конечно, Талла, с ее обостренным чувством общественной справедливости, была в числе первых сторонников этих изменений.

Конечно, мы не собираемся тут описывать многочисленные этапы ее диссидентской деятельности. В документалистике и публицистике тех лет они отражены достаточно полно. Но, прежде чем коснуться описания некоторых событий того времени, приведем стих Евгения Евтушенко, дающий общее представление проблемы:

Людей неинтересных в мире нет,
Их судьбы как истории планет,
У каждой все особое свое,
И нет планет похожих на нее.
У каждого свой тайный личный мир,
Есть в мире этом самый лучший миг,
Есть в мире этом самый страшный час,
Но все это неведомо для нас.
И если умирает человек,

С ним умирает первый его снег,
И первый поцелуй и первый бой,
Все это забирает он с собой.
Таков закон безжалостной игры,
Не люди умирают, а миры,
Людей мы помним грешных и земных,
А что мы знаем в сущности о них?
Что знаем мы про братьев, про друзей?
Что знаем о единственной своей?
И про отца родного своего,
Мы, зная все, не знаем ничего.
Уходят люди... Их не вернуть.
Их тайные миры не возродить.
И каждый раз мне хочется опять
От этой невозвратности кричать!

Черный чемодан (Из цикла «Единоборство с Властью»)

Чемодан был неказист с виду. Крышка слегка отставала, уголки поистрепались, а по дну проходила глубокая царапина. Однако внимание, оказываемое ему со стороны хозяев, вызывало ревнивую зависть соседей: роскошных кожаных и фибровых чемоданов, покоящихся в глубине антресолей.

Начать с того, что если другие чемоданы вытаскивались и заполнялись содержимым раз-два раза в году, обычно в летние месяцы, черный чемодан вытаскивался и использовался

гораздо чаще, скажем, еженедельно. И наполнялся он не пахнущей свежестью одеждой, хрустящим бельем и разноцветными новыми носками, а неумело переплетенными рукописями, машинописными рванными фолиантами, текстовыми фотографиями и старыми зачитанными книгами.

– Не могу понять – жаловался темно-вишневый пражский чемодан, кокетливо потряхивая широкими ремнями, – какой прок нашим владельцам в этом инвалиде? Ведь у него, простите, даже наружных карманов нет, не говоря уж о кодовых замках. Между тем, я, например, уже год как не вижу света и дышу пылью, а этот замарашка, чуть не каждую неделю, выходит наружу, на свежий воздух.

– Вы совершенно правы, господин Чех – подхватывал серосиний фибровый чемодан, родом из ленинградского Гостиного Двора. – Позавчера его опять вытащили наружу, и, пока тащили, он – этот солдафон, бесцеремонно толкнул меня в бок и проехался своим грязным углом по моей спине. Представляете, каков наглец!

– Безобразие! Нахальство! Какое неуважение! – слышались голоса чемоданного сообщества.

А нарушитель общественного спокойствия молча стоял в это время в правом темном углу и чувствовал себя довольно неудобно. Он и сам не вполне понимал и не мог объяснить странное пристрастие хозяев к его скромной и ничем не выдающейся особе. Смутно он помнил, как примерно пару лет тому назад началось его странное и, возможно, незаслуженное, возвышение.

Тогда хозяин, приставив к антресолям короткую лесенку, вытащил наружу все чемоданы, а хозяйка, вооружившись сырой тряпкой, их тщательно протерла. Был там еще и гость, по-видимому, хозяйский приятель Геня, по кличке «Геньч». Он сидел на диване, а рядом с ним на полу стояла большая матерчатая сумка, чем-то туго набитая. И произошел между ними такой разговор.

Гость: В Москве и в других городах прошли обыски. Изымают самиздат. В основном, полностью Солженицына, Роя и Жореса Медведевых, Григоренко, всего Сахарова, «Доктора Живаго», Шаламова, Ахматову, Мандельштама, Цветаеву, Домбровского, Платонова, ну и по мелочи там других.

Хозяйка: А в связи с чем такой «забор», и насколько надежен источник?

Гость: Источник надежен абсолютно, информация идет из кругов близких к Солженицыну. А чистка, по-видимому, связана с подготовкой пленума по идеологии. Сулов чистит Москву, ну а заодно и провинцию. Вот такие дела... Мне надо стерилизоваться. Подумал о вас. Может согласитесь взять на время и сохранить. Но смотрите. Дело добровольное. Обязан предупредить. Есть риск. Если пролетите – можно «загреть» минимум года на три. Статья 192 УК РСФСР «Хранение и распространение антисоветских материалов». Так что не настаиваю. И он иронически прищурил свои красивые глаза.

Хозяин: (переглянувшись с хозяйкой) А почему ты у себя не хранишь все это? Чем наша квартира более безопасна, чем твоя?

Гость: Ну, ты же знаешь, сколько ко мне ходит книжников. И я вовсе не могу поручиться, что кто-либо из них не из «Филькиной конторы». Тот же Юрченко. Кто его знает? У тебя гораздо тише. Но если сомневаешься, то... И он потянулся рукой к сумке.

Хозяйка: Да ладно Геныч, о чем разговор? Надо - значит надо. Возьмем и сохраним. Не беспокойся.

Гость: Я не беспокоюсь, всегда знал, что на Белкиных положить можно. А какой чемодан вы думаете использовать под это дело?

Хозяин: Пожалуй лучше всего подойдет какой-нибудь старый, потертый, незаметный. Вот этот замухрышный, пожалуйста. А?

И он небрежно пнул ногой черный чемодан. Обидно было тому до слез слушать такое поношение. Однако он был сделан из прочного материала, прошел войну и выдывал на своем веку всякое. Сдержавшись, он решил молчать и ждать развития событий. А они не преминули последовать. Хозяин открыл крышку и вдвоем с гостем стал аккуратно перекладывать в него содержимое сумки. После чего они затолкали его в самую глубь антресолей и прикрыли остальными чемоданами. Закончив, они перешли на кухню, где хозяйка на скорую руку приготовила закуску и выставила из холодильника слегка начатую бутылку фирменной «чесноковки».

– Ого, вот как принимают в этом доме! И жизнь мою облегчили, и угрозу ареста отодвинули, и амброзией угощают. Ценю! - слегка ерничая, завопил гость. Уселись за стол, тесно

локоть к локтю, выпили, закусили домашним соленым помидорчиком и заговорили об ахматовском «Реквиеме».

Так началась двойная жизнь черного чемодана. Для своих роскошных коллег он оставался скромным, заношенным, старым чемоданом, годным разве что на хранение старых носков. Но для немногих, чемодан этот стал важным средоточием и источником неподцензурной литературы, стихов и рассказов, чтение которых с одной стороны являлось государственным преступлением, а с другой – вводило тебя в сообщество людей близких по духу.

Как бы сурово ни дул на улице холодный ветер, из чемодана этого тихонько, почти бесшумно, сочился ручеек неподцензурной литературы. Как писал поэт современник: «Эрика берет четыре копии, вот и все, и этого достаточно...». Немногие, возможно, приникали к этому ручейку, но кто измерит пути этих немногих?

И были еще люди, очень заинтересованные в содержимом чемодана. Люди эти сидели в большом Сером здании, в центре города и отвечали за общественное спокойствие вверенной территории. Время от времени они получали некие глухие сигналы. То тут, то там, непонятно откуда проявлялась книга, стих, статья, письмо. И материалы эти сильно раздражали начальников Серого здания. Начальники призывали своих многочисленных подчиненных и устраивали им разнос; и подчиненные схватывались и бегали по городу, и приноживались, и прислушивались, пытаясь найти журчливый ручеек.

Рассказывалась по городу такая история. Как один человек дал своему приятелю почитать «Собачье сердце» Булгакова. Очень уж тот упрасивал, не отвяжешься. Ну, дал и дал. А через три дня явились к давателю добры молодцы с обыском.

В такие вот темные времена вжимался наш чемодан в свой антресольный угол, замирал и «всю ночь напролет, ждал гостей дорогих, шевеля кандалами, цепочек дверных».

Однажды внезапно явился нежданный «Геныч». Был он чем-то серьезно озабочен и пригласил хозяев выйти погулять. И гуляя по заснеженному двору, рассказал. Как пошел он вчера вечером на полузакрытый просмотр фильма Антониони «Красная пустыня». Уже на подходе к клубу подошли к нему двое, предъявили удостоверения и предложили отойти в ближайший сквер. Там, усевшись на мерзлую скамью, стали задавать разные вопросы. Знаком ли он с фильмами Антониони? А если незнаком, то кто порекомендовал посмотреть? И знает ли он того-то и того-то? И о Белкиных спрашивали. Какого он мнения о них? Всю душу вымотали. Конечно, ни на какой просмотр он уже не пошел. Хватило ему просмотра в скверике, на скамье. «Геныч» ушел, а они стали думать и прикидывать, что делать, и как быть с чемоданом. Ничего толкового придумать не могли, но знание классики помогло.

– А что если нам хранить чемодан по методу Александра Ивановича Корейко? - спросил Марк.

– Как это?

– А очень просто. Я беру чемодан, еду на вокзал, там сдаю чемодан в автоматическую камеру хранения, номер мы запоминаем, все... Раз в месяц приходим, открываем, запоминаем новый номер и т.д.

Идея понравилась. И уже на следующее утро Марк потащил чемодан на вокзал. Талла следовала сзади на расстоянии примерно метров пятидесяти, на случай, если «сопровождают». Тяжелый чемодан оттягивал руку, бил по коленям. Было жарко, струйки пота стекали из-под зимней шапки на лоб. Казалось, взгляды прохожих с удивлением прикованы к чемодану.

На привокзальной площади стало легче. Там многие передвигались с чемоданами. Приблизившись к автоматическим камерам, Марк отдышался и огляделся вокруг. Было утро, и немногие пассажиры были заняты своими делами. Подойдя к одной из открытых камер, он уже приноровился вложить свой чемодан, как вдруг услышал: «Сынок, а сынок?». Резко обернувшись, он увидел маленькую мощистую старушонку с блекло-голубыми глазами. В руках у нее была небольшая старая сумка.

– Помогите, сынок, вещички мои в ящик скласть. Поезд мой не скоро еще, я бы вздремнула тут на лавочке, да боюсь, утянут сумку-то. А как с енттой фанаберией управляться, не знаю, да и глаза плохи.

Сдерживая раздражение и пытаюсь выровнять дыхание, Марк стал объяснять старушке еще и еще раз, что лучше бы ей воспользоваться ручной камерой хранения. Во-о-н там

они находятся. Там люди работают, а не автоматы. Старушка не понимала. На разговор подошел слонявшийся без дела и явно скучающий старшина милиции. Наконец, после этой тягомотины, бледная Талла и старшина повели старушку в ручную камеру хранения, а Марк смог наконец-то поставить свой злосчастный чемодан внутрь и набрать код – дату их свадьбы.

Оказавшись в тесной и темной одиночке, чемодан загрустил и затосковал. Все-таки за эти годы привык он к своим ворчливым соседям. К высокомерному чеху, к немного скандальному ленинградцу, к ироничному зелено-ворсистому дорожному баулу. Хотя и не очень часто они удостаивали его беседой, а все-таки можно было порой послушать о чем чемоданы говорят.

Так чешский аристократ с немалым юмором передавал в лицах свою поездку в Болгарию, саркастически описывая нравы и манеры своих туристских коллег. Ленинградец довольно интересно рассказывал о поездке хозяина в Ялту и о том, как он потерялся, и как хозяин бегал и искал его по всему аэропорту. В отличие от них, наш чемодан не путешествовал и не ездил в отпуск. Но зато он довольно часто выходил на белый свет. В таких случаях, возвращаясь на антресоли, он ненадолго становился звездой, и все прислушивались к его рассказам о внешней жизни и задавали вопросы.

Но видно и хозяева скучали без любимых рассказов и стихов. Вечерами, вместо надоевших телепрограмм, типа «нам песня строить и жить помогает», куда как приятнее было

завалиться на тахту и почитать не спеша мандельштамовские распевы или слушать того же Галича. Как бы то ни было, через несколько месяцев чемодан был извлечен из заточения и возвращен домой. Однако, по совету осторожного «Геныча», он не был помещен обратно на антресоли, а оставлен жить на балконе. Уже была зима, и снежные метели намели под балконом высокий сугроб.

– Если придут ночью и постучат – объяснял «Геныч», - первым делом надо взглянуть в «дверной глазок». Если незнакомые – не открывать и немедленно выбросить чемодан в сугроб. Потом открывать.

Так, выйдя из одиночки, оказался чемодан не в родной антресоли, а на холодном и вьюжном балконе. В иные ночи, бывало так намерзлся, что зуб на зуб не попадал, и замки примерзали к телу и переставали открываться. Но всему приходит конец. Наступила весна, снег растаял, пришли белые ночи, и нельзя стало хранить чемодан на балконе. Задумались тогда хозяин с хозяйкой и не нашли ничего лучшего, как обратиться к Феле. Собственно, особого выбора и не было. Фея (полностью Фелиция) была любопытной фигурой. Она выросла где-то в Сибири, в ссыльных местах. Там вступила в партию. Приехав в этот город и начав работать в академическом институте, она активно занялась общественной работой в кружке агитаторов, в стенгазете и пр. Но ошибся бы тот, кто посчитал бы Фелю за рядовую активистку-общественницу. Каким-то совершенно удивительным образом ее общественная работа сочеталась с глубо-

кой внутренней порядочностью и с собственным мнением по целому ряду вопросов. Чувствовалось, что она и ее муж Коля – люди верные.

Как бы то ни было, когда Талла, обратившись напрямую, спросила, не согласится ли Феля взять у нее на время чемодан, та не задавая лишних вопросов, ответила согласием. Так наш путешественник оказался в чужом доме, среди чужих чемоданов. Приняли его хотя и не враждебно, но и без особой радости. Да и о чем общем они могли разговаривать? Фелины чемоданы вспоминали свои нечастые поездки в отпуск да в командировки. Разве мог черный чемодан (он к тому времени, используя бессонные ночи, научился немного читать по-человечески) рассказать им о рассказах Шаламова или прочесть стихи Цветаевой? Это вызвало бы в их среде только удивленное молчание. Так в вежливом одиночестве протекали недели и месяцы чемоданной жизни.

Пока в один радостный для чемодана день, он не почувствовал как крепкая рука Марка, ухватив его за ручку, вытащила из кладовой, спустила по лестнице и уложила в багажник такси. А вскоре он уже оказался в родной квартире. Все его ворчливые компаньоны были вытащены из антресолей, раскрыты и заполнены наполовину кто чем. В квартире царил веселый ералаш и беспорядок. Хозяйка носилась из комнаты в комнату, хозяин раздумчиво стоял перед книжными полками, решая что брать, а что нет. Приходили и уходили люди, и с каждым их уходом нутро чемодана пустело и пустело.

Он понял, что предстоит Длинный Переезд. Однажды он уже пережил нечто подобное. Едва остался цел. Люди называли это тогда непонятным словами «эвакуация» и «война». Но тогда никто не смеялся, а, наоборот, плакали.

Конечно, и сейчас не обошлось без волнений. Чемодан понимал, что он уже не молод и боялся отправки на помойку. О чем злорадно перешептывались между собой его коллеги. Но хозяин решил иначе. Он не забыл чемоданной верной службы за все эти годы и уложил в него памятные вещи, оставшиеся от его отца и матери. Так была обеспечена черному чемодану долгая и интересная жизнь. Он переплыл Средиземное Море и оказался на Ближнем Востоке. Он увидел старые крепостные стены халифа Сулеймана и дышал воздухом Вечного Города. Затем он переплыл Атлантический океан и оказался в Новом Свете.

Но это уже другая история.

Последний Рейс (Из цикла «Единоборство с Властью»)

Разрешение, ожидаемое так много лет, разрешение, на получение которого было потрачено так много сил, пришло не внезапно. Еще в апреле появились какие-то неясные знаки, какие-то недоговоренности, что-то сдвинулось в их, казалось, безнадежной ситуации.

Но не в первый раз дул этот обманчивый ветер надежды, появлялся и в прошлом этот мираж. И чтоб не расстраиваться зазря, они старались не обращать внимания и вели себя как обычно.

Приближался государственный праздник 1-ое Мая 1977. Власти чистили, где могли, стены старых домов этого старого города. Вытаскивались и обновлялись флаги, транспаранты, портреты вождей. Ответственные лица готовились к праздничному шествию, а обычные люди предвкушали трехдневный отдых.

Марк только вернулся из города. Городская суета и шум раздражали, и он старался выбирать для прогулки тихие окраинные улочки с их тишиной и неспешностью. Он принимал ванну, когда раздался телефонный звонок, и Талла взяла трубку. Поговорив с кем-то, она, просунув голову в дверь ванной комнаты, намеренно обыденно сообщила, что звонили из отдела виз и пригласили зайти всей семьей сразу после праздника в 10 утра. Помолчали и занялись своими делами.

1-ое Мая совпадало с приездом В.Б. – лучшего друга и верного человека в эту темную пору. Он позвонил из Ленингра-

да и сообщил, что приедет с сыном на два-три дня: отдохнуть и развеяться. Все были рады. Так в суете и в приеме гостей и прошли майские праздники. А третьего мая, незадолго до десяти, они собрались, под старинной аркой городских ворот, все трое: Талла, Алик и Марк и двинулись к недалекому бледно-желтому двухэтажному зданию, где помещался ОВИР.

И невозможное свершилось. Скучным, казенным голосом майор Поллиман, в присутствии их «куратора» из КГБ – майора Есмикеева, зачитал бумагу, в которой говорилось, что Министерство внутренних дел рассмотрело просьбу семьи ... и удовлетворяет их ходатайство... на выезд на постоянное место жительства... в государство Израиль...

– Вам дается 10 дней на сборы. Через десять дней вы обязаны покинуть СССР. – жестко добавил Есмикеев. И, когда Марк попытался оспорить этот короткий срок, справедливо заметил: «Вы Марк всегда всем недовольны».

На этой ноте дискуссия закончилась и они, покинув здание, вышли в бледно-голубое, прохладное утро. Присев на недалекую скамейку и изо всех сил стараясь сдержать рвущуюся радость, они заговорили о необходимых практических шагах, связанных с отъездом. Суеты ожидалось много. Мужчинам надо было сняться с воинского учета. Талле и Алику надо было уволиться с работы (Марк уже около года был безработным). Надо было поехать в Москву и оформить визы, приобрести билеты, сложить и запаковать вещи, отправить их на Брестскую таможню, пройти там таможенный досмотр и выполнить еще немало мелких, но нужных дел.

Но главное дело, стоящее перед ними, о котором мало говорилось, но которое должно было быть сделано во что бы то ни стало – это посещение могил их близких: отца Таллы и матери Марка. Не могли они покинуть страну и не преклонить колени, и не сказать последнее «прощай». Но могилы эти были далеко от города, где жили они в ту пору, и к ним надо было еще добираться и добираться. Что было не простой задачей, учитывая «колпак» службы государственной безопасности, под которым они находились все эти последние годы.

И было решено в то прохладное утро, что поедет Талла. Так как для приобретения авиабилетов нужно предъявлять паспорт, поедет она поездом до Москвы, а там уж в столичной толчее сядет на самолет и полетит в тот уральский город, на окраине которого, на Широкореченском кладбище, их могилы. Тут же, не откладывая, поехали на вокзал и, оглядевшись - пустынно - приобрели билет на завтрашний московский поезд.

А потом дома было грустно-сладкое застолье. Открыли заветную бутылку израильского ликера «Сабра», налили по капле всем сидящим за столом, и многие, вдохнув его горьковатый апельсиновый аромат, задумались. Одни уезжали, другие оставались. Оставались одни перед набиравшей обороты государственной машиной. Уже началось «дело Щаранского», полным ходом шли допросы его близких и не близких друзей. Все более ощущалась жесткая рука системы. Наступала тяжелая пора.

На следующий день к вечеру Талла уезжала. Ее никто не провожал. Зайдя в вагон и найдя свое купэ, она положила дорожную сумку и вышла в коридор – покурить. Чтобы не мешать соседям, она, пройдя по коридору, остановилась у крайнего окна и, приоткрыв его, закурила. Окончив курить и повернувшись, она заметила в противоположном конце коридора мелькнувшую тень человека в милицейской форме. Вскоре поезд, мягко двинувшись и быстро набрав скорость, застучал по стыкам рельс. Легли спать. Ночью она проснулась от тревоги. Поезд стоял на какой-то маленькой станции, на перроне было тихо, но из коридора, там, где она стояла вечером, доносился громкий и настойчивый стук. Она сжалась, ожидая, что сейчас начнут стучать и открывать все купе подряд, все ближе и ближе, а потом дойдут до ее купе, и - «Пройдемте, гражданка...». Но нет - послышались какие-то разговоры, какие-то раздраженные голоса, потом все смолкло, чьи-то сапоги протопали по коридору, и поезд двинулся. Больше она уже не спала до самой Москвы.

В Москву приехали рано, и вскоре она уже была в Домодедово. Встав у нужной кассы и быстро выяснив, что билетов нет и не предвидится, она стала нудно и терпеливо повторять: «Мне очень нужен билет... у меня тетя умирает... вы понимаете? Умирает близкий мне человек... тетя... умирает...». В конце концов это подействовало, и если не на первый и не на второй – то на третий рейс ее пропустили. Войдя в самолет и пройдя к своему последнему в салоне месту, она почув-

ствовала, как тяжесть сжимавшая грудь и давившая на плечи, отпустила.

Лайнер, успокаивающе гудя мощными турбинами, шел на восток. Она откинула спинку сидения, закрыла глаза, и картины недавнего прошлого пришли к ней. Вот появилось взволнованное, с красными пятнами на щеках, лицо ее сына, рассказывающего о том, как в школу явились сотрудники госбезопасности и стали вызывать по одному всех учителей и спрашивать о нем, о его поведении, о его высказываниях. Нет ли в них чего-то такого... враждебного... и, вообще, какое он оказывает влияние на... и пр. и пр.

А вот, как бы приятельница, приносит ей городскую газету и показывает на всю страницу статью «Не наш человек». Статью о ее муже, о его преступных контактах с заграничными сионистскими кругами, о его безуспешных попытках помешать мирному процессу развития дружбы и сотрудничества между народами.

– Ты знаешь? - говорит приятельница, – обычно после таких статей сажают. Обычно это последний сигнал перед посадкой – и грустно улыбается.

А вот в ее ушах слышится стук в дверь. Стук в пять часов утра. Мужа дома нет, муж в Москве. Поехал на симпозиум по еврейской культуре. В дверной глазок видно необычно встревоженное лицо хохотушки Цвии.

– Что такое Цвийка? Что случилось?!

– Звонили из Москвы. Симпозиум разгромлен. Марка арестовали в Москве на квартире у Бра-го и везут на самолете

те сюда. Когда привезут – вероятно, будет обыск. Сказали срочно убирать весь самиздат и все еврейское!

– Тише, тише, не возбуждайся так. Давай-ка лучше возьмемся за работу. И они втроем, вместе с сыном, начали нагружать сумку книгами и текстами.

Потом, чтобы не выходить на улицу и не попасть под наружное наблюдение, тащили ее тяжеленную по коридорам и чердакам огромного дома, в котором жили. Выйдя, по их мнению, из зоны наблюдения, Цвия и Алик повезли сумку в безопасное место, а она вернулась домой – ожидать мужа с «эскортом».

А вот серьезно-напряженное лицо ее завлаба доктора Марью.

– Вы знаете – говорит он с трудом, – вам надо сегодня же, немедленно, пройти профилактический медицинский осмотр в Онкологическом Институте.

– Хорошо – улыбаясь, отвечает она, – я пройду его завтра, ладно? Да не волнуйтесь вы так. Я его проходила много раз. Чистая формальность.

– Нет-нет только сегодня и прямо сейчас – неожиданно настойчиво повторяет обычно мягкий Марью.

Серьезное лицо доктора Пуусс, врачихи-онколога. И заключение: «Мы предполагаем наличие злокачественной опухоли. Вам следует немедленно, вы слышите, немедленно дать телеграмму вашему мужу, чтоб он приехал, где бы он не находился, домой». (Все это совпало с Первым научным симпозиумом еврейских ученых, лишившихся работы за

желание иммигрировать в Израиль. Когда через несколько дней Марк был задержан в Москве, и майор Есмикеев доставил его домой, «диагноз» Онкологического Института был тут же забыт).

Так, под мягкое гудение моторов и под волны своих воспоминаний, она незаметно достигла города. Города, где она прожила большую часть своей жизни. Города, где она училась, работала, создала семью, родила сына и похоронила отца. Города, в котором жило много ее друзей и подруг, и с которым она встречалась сейчас в последний раз.

Самолет покатил, подпрыгивая, по взлетной полосе и подрулил к стоянке. Пассажиры потянулись к выходу. Так как она сидела в последнем ряду, она и выходила последней. Выйдя на верхнюю площадку трапа, она огляделась. Был мягкий сиреневый вечер, невдалеке светил огнями аэропорт. Внизу у трапа, справа, стояли два милиционера. Пути для отступления не было, и она стала медленно спускаться по ступеням. Спустившись, она попыталась свернуть влево, но один из них преградил ей путь.

– Доротея Исааковна Гурфель? – полуутвердительно произнес он.

– Да... – неуверенно отозвалась она.

– Пройдемте с нами.

– А в чем дело?

– Пройдемте. Там вам объяснят. У вас паспорт с собой?

– Да. Вот паспорт. Видите, паспорт в порядке... Я не понимаю...

– Так вы жили в Энске? – удивленно произнес второй, рассматривая паспорт.

– Ну ничего, пройдемте, там разберемся.

Делать было нечего, и они зашагали к зданию аэропорта. Зайдя в аэропорт и пройдя коридорами, они подошли к комнате, на двери которой было написано «Для иностранцев». В комнате никого не было, кроме ярко накрашенной блондинки – по-видимому, хозяйки.

Все сели и стали ждать. Молчание длилось и становилось все тяжелее и тяжелее. Внезапно раскрылась дверь, и вошел пожилой представительный мужчина с посеребренными висками и тяжелым лицом. Милиционеры встали. Пристально разглядывая ее, он спросил:

– Доротея Исааковна, зачем вы приехали в Энск?

– Я приехала посетить могилы моих родных: моего отца и моей свекрови. А что, это запрещено?

– Нет, но вы иностранная гражданка, а у нас закрытый город, и въезд иностранцам запрещен. Завтра первым самолетом вы будете отправлены обратно, по месту жительства.

– Какая же я иностранная гражданка?! Вы видите, вот нормальный советский паспорт.

– Вижу, но вы получили разрешение на выезд и с этого момента вы иностранка. Откажитесь от разрешения, и вы будете допущены в Энск – добавил он, скупо улыбнувшись.

– Я за это разрешение четыре года боролась... – горько сказала Талла и тут появилась новая мысль:

– Послушайте, сейчас уже ночь. Я возьму такси и, в сопрово-

дени ваших людей, поеду на кладбище, побуду там у могил и вернусь, а утром рано улечу.

– Не знаю, не знаю – заколебался начальник. Потом решил: «Я пойду спрошу у Москвы» – и вышел. Потянулись длинные минуты.

– Москва не разрешила – заявил он возвратившись. – Все! Ночуйте тут. А утром – домой! – и, покидая комнату, обратившись к блондинке, закончил, – Настя! Ты ответственна за все!

Закрыв за ушедшими дверь на ключ и, сладко улыбаясь, блондинка предложила принести чаю, бутербродов, и вообще проявила заботу. Повозившись в другой комнате, она объявила: «Ну вот и постельку вам постелила, все свеженькое, чистенькое. Ложитесь и отдыхайте до утра. Я вас разбуду, когда надо».

Талла прилегла не раздеваясь. Мысли закружились. Быть так близко от могилы отца и не посидеть рядом, не коснуться ладонью холода могильной плиты... не прошептать слова прощанья. О боги, боги... «Ты же знаешь, что я тут, почти рядом. Ты ведь знаешь, наверное, как я стремилась и хотела побыть с тобой? Ну не получилось. Что сделаешь? Оказались они сильнее. Государство все-таки. Все их боятся. Но я скажу тебе, что наше дело мы сделали. И пришлось им отступить, как они не хотели. Пробыли мы все-таки эту стену, для себя и для других. И внук твой будет жить в свободной стране. Это главное».

Рано утром постучала блондинка: «Гражданочка, пора вам вставать. Время уже».

Талла немедленно поднялась – все равно не спала. Она быстро привела себя в порядок и, в сопровождении блондинки, прошла все отъездные формальности. Вручив ей билет и взяв за него положенную сумму, ее провели какими-то коридорами прямо к самолету и, минуя очередь, завели в салон. Самолет быстро наполнился и двинулся на взлет. Блондинка и город, где столько было прожито, оказались под крылом самолета и вскоре исчезли.

В Москве ей удалось быстро повернуться и попасть на последний рейс, идущий в ее город. Может случайно, а может – нет, в салоне оказался сотрудник госбезопасности капитан Аболдуев. Был он одет в хорошо сшитой штатский костюм и держал в руках роскошный букет сирени.

Прилетев в свой тихий старый город, она взяла такси и вскоре уже стучалась в дверь своей квартиры.

– Ты одна? – спросил муж, не открывая, однако, дверь.

– Одна-одна – бессильно произнесла она, и дверь открылась.

Прошло много лет со времени описываемых событий. Многое изменилось в стране и в мире. Но не с таких ли историй начались эти изменения?

Глава 7

Противостояние со смертью

1978 - 1982 гг.

Волшебный фонарь

Талле

Остались позади бестолковщина и суета Лос-Анжелеского аэропорта. Длинные, медленнодвигающиеся очереди у станций проверки багажа, мощные вооруженные гвардейцы Национальной Гвардии, полицейские с собаками, вынюхивающими взрывчатку и наркотики. Весь этот нервный быт американских транспортных магистралей 2002 года.

Наконец-то Марк с Натальей оказались у своих мест в первом классе трансатлантического лайнера, берущего курс на Париж. Уложив немногие свои вещи в багажный отсек, они вытянулись в удобных сидениях, приготовившись к дальнейшему перелету.

Приближалось семидесятилетие Марка, и эта поездка была юбилейным подарком ему от сына и жены. Надо заметить, что время и место поездки было выбрано весьма неудачно. В мире шла война против арабского терроризма, на Ближнем Востоке лилась кровь и гремели взрывы, десятки убитых и раненных. Европа бурлила. Антиеврейские и антиамериканские демонстрации захлестывали улицы Парижа, Брюсселя, Лондона и других европейских столиц. Праведные последователи Аллаха поджигали синагоги и уничтожали свитки Торы. Но несмотря на все на это, Наташино упрямое желание поехать в Париж победило слабое сопротивление Марка, и вот они в Боинге-747 пересекают Атлантический океан.

Мерный рокот двигателей вливался в уши, принося успокоение и легкую дремоту. Откинувшись на удобную спинку сидения, Наталья закрыла глаза и ушла в прошлое... Когда же впервые вошел в ее жизнь этот город, «этот праздник, который всегда с тобой»?

И вот неожиданно из ниоткуда появилось и повисло мерцающее лето 1948. Запах соснового бора, школа за лесом, уральское светло-голубое небо, розовые восходы и закаты за рекой, неповторимое ощущение детства.

Нелегкий послевоенный быт. Родители были все время заняты. Отец пропадал на стройке с утра до ночи. Мать весь день крутилась по дому, хлопотала на огороде, ухаживала за скотиной, запасала на зиму. Ну и младшая сестра нуждалась в уходе и в заботе.

Мать была сражена. Так началась дружба Наташиных родителей и самой Наташи с Лией Львовной. Несмотря на большую разницу лет, и старая, и молодая общались с удовольствием. Лия Львовна любила разговаривать с этой не по годам развитой, полной жизни девочкой с большими черными глазами. Наташа слушала рассказы Лии Львовны с замиранием сердца. Конечно, ее рассказы об Елисейских полях, о Лувре, о Версальских садах и прудах, о соборе Нотр-Дам звучали в Наташином сердце, как сказки «Тысячи и одной ночи» и рождали непреодолимую тоску: «Нет, никогда мне не побывать там».

Как-то встретив Наташу на улице, Лия Львовна сказала заговорщицким тоном: «Приходи, Наташенька, ко мне, ска-

жем, завтра. Приятель прислал мне посылку, и я тебе что-то покажу».

С трудом дождавшись завтра, и поскорей выполнив уроки и вымыв посуду, Наташа помчалась к Лие Львовне. Встретив ее и усадив, та торжественно внесла и поставила на стол некий аппарат с трубкой и коробку со стеклянными пластинками. Повесив на стену белую простынку, она вставила диапозитив в трубку и включила лампочку.

– Сейчас мы с тобой пройдемся по Парижу, а начнется наше путешествие... с Эйфелевой башни... и двигаться мы будем по направлению... к Триумфальной арке. Итак, мы стоим с тобой у подножия Эйфелевой башни. Видишь вот вход в лифт, сейчас мы с тобой поднимемся наверх... Вот мы наверху и перед нами раскинулся весь Париж.

Это было волшебное путешествие. На стене бедно обставленной комнаты, посреди Уральских гор, из стареньких пожелтевших диапозитивов изливался, сверкал, шумел и переливался огнями великий город. Так произошло первое Наташино приобщение к мировой культуре.

Далеко в себя ушла в своих воспоминаниях Наташа, пока не вернул ее к действительности голос бортпроводницы, предлагавшей соки, воды, шампанское, маленькие бутылочки французских вин, сыры и прочие деликатесы. Взяв стакан оранжада и покосившись на мирно похрапывающего Марка, она оглядела соседей. Справа, через проход, двое солидных мужчин сосредоточенно склонились над своими ноутбуками.

На переднем сидении молодая пара, возможно молодожены, оживленно шепталась о чем-то, по-видимому, приятном. Сзади две женщины безучастно смотрели на экран телевизора. Удовлетворив свое любопытство и поерзав, устраиваясь, Наташа стала вспоминать свое первое путешествие в Париж, двадцать лет тому назад.

Было это вскоре после последнего цикла химиотерапии. Внимательно вглядываясь в карты анализов и тщательно подбирая слова, профессор Поляк – шеф и одновременно лечащий врач стал объяснять ей, что в данный момент он не видит необходимости в продолжении лечения. Все анализы отрицательные, опухоли не просматриваются и, на данный момент, он считает, что опасности нет. Однако... и он стал нудно напоминать о необходимой осторожности, о том, что курс лечения был по сути экспериментальным, имеющиеся результаты не столь уж солидны и так далее, и так далее.

Наталья смотрела в окно кабинета, за которым бушевала южная весна, слушала одуряющее пение птиц и понимала одно: Жизнь! Я буду жить! Пока...

Вот тогда-то и было решено – поехать на неделю в Париж. Были заказаны заграничные паспорта, собраны скудные денежные ресурсы, куплен зеленый Мишеллин и вот, за четыре часа полета, Эл-Ал доставил их растерянных и счастливых в город ее мечты. Остановились в маленькой бедной гостинице на улице St-Rock, недалеко от Лувра, кинули чемоданы и вот вечерний, именно сиреневый Париж, принял их и растворял в своих объятиях.

Каждое утро со вздохами разминая уставшие ноги, они спускались в вестибюль, выпивали чашечку вкусного кофе с круассанами и отправлялись на открытие новых чудес.

От Нотр-Дам до площади Конкорд, через Лувр, Гранд Паллас и сады Тюльери. От Эйфелевой башни до Триумфальной арки, через Елисейские поля, музей современного искусства и площадь де Алма. И все ногами, и все пешком. Наталья была еще слабая тогда и более ста метров без отдыха пройти не могла. Так и ходили: Сто – двести шагов – остановка, и снова... Так понемногу, шаг за шагом, задыхаясь, взбирались они вместе с двадцатилетними на колокольню Нотр-Дам, бродили по музеям, сидели на террасах кафе, гуляли в Булонском лесу, любовались фонтанами и садами Версаля.

Приходя в изнеможении к себе в гостиницу и валясь без ног на кровать, Наталья цитировала строки Высоцкого:

«...ах Ваня. Ваня мы с тобой в Париже...».

Тогда-то, по-видимому, с этой парижской поездки и началось душевное возрождение Наташи, после двухлетней битвы за жизнь. Сейчас, оглядываясь назад, трудно было поверить, что смогла выстоять. Проходила тяжелейшие курсы химиотерапии и, возвращаясь с сеанса, садилась за микроскоп продолжая работать в том же гематологическом отделении, где и лечилась. Надо было поддержать семью. Карьера мужа не складывалась, все было ветрено, неустойчиво. Сын был в армии. И оба они: муж и сын были какие-то незащищенные, хотя гоношились и «делали вид». Немало было пережито. Вдруг молодая врачиха, специалистка по опухолям

мозга стала настойчиво предлагать уколы в мозг, от чего Наталья решительно отказалась. В другой раз молодой хирург стал заговаривать об ампутации селезенки. Еще были ситуации... Неизвестно что помогло: новый протокол лечения, мужество и воля Наташи или Б-г (муж молился каждый день). А вернее все вместе. Но как бы то ни было, она стала выздоравливать. И вот «...ах Ваня, Ваня мы с тобой в Париже...».

Вот такой был наш парижский дядя. Потом он умер и был похоронен рядом с тетей на городском кладбище Асниерс. Когда Наталья была первый раз в Париже, она и Марк посетили их могилу. Марк прочитал заупокойную молитву, Наталья положила цветы. Так закончилась история еще одной жизни и оборвалась еще одна нить.

Birth is a beginning, and death a destination
But life is a journey, a going – a growing
From stage to stage.

What can we know of death, we who cannot understand life?

А лайнер съедал одну милю за другой, приближая их к городу ее мечты.

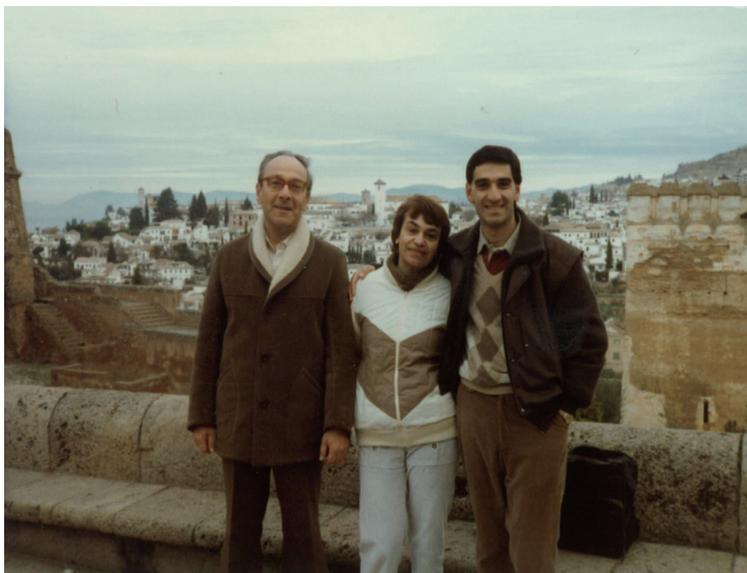
Семья Таллы

Крым, Феодосия; Лучшие друзья

Иерусалим 1983г.
70-летие Таллиной мамы

Испания
Декабрь 1984

Испания,
Декабрь 1984

Лондон, 31
Декабря 1985

Свердловск 1991

Москва 1991

Лондон, Ritz Carlton High Tea
Июль 1994

Калифорния

Palm Desert
2002

Palm Desert
2007

74-й день рождения Таллы
7 мая 2010

Глава 8

Воспоминания друзей о Талле

Хаим и Ривка о Талле

13 Октября 2010г.

Дорогие Бенор и Алик!

Мы очень хорошо понимаем ваше состояние...

Писать тяжело, слов нет.

Перечитали Талины старые письма, вспомнили наше общее прошлое – болит...

Держитесь, вы нужны друг другу.

Обнимаем,

ваши Ривка и Хаим

Нина Белова о Талле

13 Октября 2010г.

Дорогие Орик и Алик!

Пишем вам, чтобы разделить с вами огромное горе, которое постигло вас! Примите от нас самые искренние соболезнования и сочувствие, мы вместе с вами скорбим об уходе дорогой Талочки. Она навсегда останется в нашей памяти как светлый, добрый человек и надежный друг. Мы ее любим, и всегда будем любить!!! Мужайтесь и берегите себя.

Обнимаем вас.

Нина, Вадим, Валя Умова, Саша и Ира Беловы.

Геня Щукин о Талле

13 Октября 2010г.

Дорогой Бенор,
Это неотступно,
И все же –
О милых спутниках, которые наш век
Своим присутствием для нас благодетельствовали,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью: Были...
Мы с вами, с любовью, всегда.
Геня и Люба

Алиса Брук о Талле

13 Октября 2010г.

Dear Benor,

I am sorry beyond words and am sending my deepest, heartfelt condolences to you.

When I received the mail from my father about the passing away of Talla, I felt the deepest pain. She was very dear to me.

For me the both of you remain two of the most wonderful, generous and warmest people I have ever known. I am grateful for having known Talla, her kindness and her unique, always positive, good humored nature. It was a honor and a pleasure.

The memories of your hospitality to me in Baltimore, your visit to Paris and the beautiful time we spent together talking and enjoying the landscapes have always remained with me. I kept hopping to meet again.

I will miss her very much.

Dear Benor, I am wishing you all the possible strength. Please give my condolences to alik (Eli).

There are no words to express the sadness. You are in my thoughts.

Always,

Alissa

Виталий Аронзон о Талле

16 Октября 2010г.

На память о Талле Гурфель

Растрескался сосуд, в котором убывает

Годов оставшихся цветущая вода,

Так ряска на воде растет, но закрывает

Окошко в зеркале, где небо исчезает.

Ушел из жизни друг. О, если б был уверен,

Что в не небытие, а в новый жизни круг...

И вновь нашел друзей, кто на земле утерян,

Тогда бы не грустил – а так томит недуг.

Виталий

Яков Гендин о Талле

4 Ноября 2010г.

Бенор,

Файлы в приложении. На всякий случай тот же текст здесь:

Светлый, милый человек
(памяти Таллы Гурфель)

Теряем мы близких и верных друзей. И ничего не поделаешь – такова жизнь. Единственным утешением может быть только то, что там, в другой жизни, их доброта, душевная щедрость и достойные деяния воздадутся им сполна.

Все это я пишу об ушедшем друге – Таллочке Гурфель, чей образ беспрерывно всплывает в памяти. С Таллой и Бенором Гурфель мы познакомились уже в иммиграции в Балтиморе, но никогда меня не оставляло ощущение, что знаем мы друг друга давно, с молодых лет. И это от того, что мы часто беседовали друг с другом о прошлом и видели, ощущали искренность, доброту и сердечность Таллы.

Всегда было очень интересно встречаться с этой близкой нам по духу парой, Таллой и Бенором, и слушать их рассказы о жизни на Урале, в Эстонии, в Израиле, об их диссидентских годах, борьбе за право выезда. Гостеприимство, вкусные угощения, приготовленные Таллой, атмосфера наших встреч, навсегда останутся в памяти.

В октябре 2006 года моя дочь пригласила меня поехать с ней вместе на конференцию в город Сан Диего. Талла и Бенор жили тогда в том же штате Калифорния, и моей главной мечтой в этой поездке было увидеться с ними. И это удалось осуществить. Приняли нас очень тепло. Талочкины глаза светились радостью, а сама она очень старалась сделать наше пребывание у них очень приятным.

Вот такую я и запомнил Таллу – светлую, доброю, открытую для друзей. Помнить будем ее всегда!

Яков

Людмила Гендина о Талле

С Таллой было легко и спокойно. Ровесница моих родителей, она воспринималась мною скорее как подруга. Ее глаза и сердце были открыты миру, душа празднично светла и мудро наивна.

Мы с отцом приехали в гости в Палм Спрингс, навестить Таллу и Бенора. Талла, как гостеприимная хозяйка, взялась провести экскурсию. Самое лучшее в этой поездке было то, с какой радостью и любовью она показывала небольшой, но очень уютный парк, библиотеку, окружающие горы. Это все было ее: местный колледж – «сюда Бенор приходит заниматься», современный госпиталь – «видишь как близко, если

понадобится, то быстро можно попасть», центральная улица – «знаешь, у нас все те же магазины, что на Родео-Драйв – самые модные!». Она любила жизнь, готова была принять этот мир в свои объятия. Доброжелательная, никогда не жалующаяся, она умела наслаждаться мгновением – свежими утренними булками, солнечным зайчиком на зеленой листе деревьев. Она рассказывала о годах борьбы в СССР, о волнениях за сына, перевозившего в те трудные и опасные годы нелегальную литературу, о маме и сестре, и никогда о себе – она жила ими и в них, семье, близких, друзьях, соратниках.

Спасибо тебе, Талла, за тепло и нежность в этой жизни, внезапной и быстротечной, как мгновение! Светлая тебе память!

Люда

Аня Злобинская о Талле

2 Декабря 2010г.

Сегодня я не хочу думать о том, что Таллы с нами больше нет, в это невозможно поверить.

Она у меня перед глазами во время нашей последней встречи в Palm Desert. Как всегда радостный, теплый прием, поездка в ресторан, куда она сама нас привезла, интересная беседа, шутки, ни намек, что у нее высокая

температура. Об этом я узнала перед самым отъездом. Мы думали простуда, а это возвратилась страшная болезнь.

Мы познакомились в начале 70-х годов, во время «отказа». Она приезжала в Киев на Бабий Яр, мы приезжали в Таллинн. Разговоры до глубокой ночи, обмен идеями, одна мысль – «как выбраться». Пришлось пережить многое, но никогда ни тени сомнения в выборе пути, оптимизм, сочувствие, тепло и внимание. В Израиле, в период абсорбции никаких жалоб недовольства, нареканий, цинизма. Сколько людей в России, Израиле и Америке знали ее, уважали, любили ее, подражали ей, учились у нее. Она всегда с нами.

Илья Злобинский о Талле

Хочу добавить от себя пару слов.

Я считал Таллу близким другом. Мы встречались во многих местах, разных городах и странах.

Даже не верится: Киев, Таллинн, Москва, Тель-Авив, Иерусалим, Балтимор, Нью Йорк, Palm Desert. Я даже помню, переговорил с ней раз из Хельсинки, когда мы продолжали заниматься Вашим «выездом».

К сожалению встречались мы относительно редко. Но я всегда пытался использовать любую возможность. Для меня каждая такая встреча была праздником. А люди любят праздники.

Где-то в глубине души я испытываю странное чувство, что мы обязательно встретимся опять и продолжим праздник нашего общения.

Илья

Галя о Талле

Теперь, когда она ушла, осталось чувство не только горечи потери – осталось чувство недообщения, недовстречи, недоговоренности...

Почему, за мои почти 10 лет жизни в Америке мы не разу не встретились?

Мне казалось, люди ушли в свою пустыню, может быть даже бежали – каждый со своими проблемами: Талла – со своими, Бенор – со своими, и нельзя было нарушать их отшельничество... И я избегала Калифорнии...

Возможно, зря.

А встретились мы впервые лет, эдак, 35 назад, в очень тяжелый, но, возможно, один из самых счастливых моментов их жизни. Была борьба, борьба с системой, с КГБ, со всем окружающим затхлым, фальшивым, ханжеским, циничным и одновременно очень страшным для несогласных, советским миром – открытая, бескомпромиссная... Борьба за человеческое достоинство, за право быть евреем, за право изучать свой язык и говорить на нем, за право знать свою

историю, за право жить там, где ты хочешь... И именно Тама – такая хрупкая, женственная, тонкая – была инициатором этой борьбы. Бенор, с которым мы вместе работали и подружились в те годы (1974 - 1977), сам говорил мне об этом. Над ними постоянно висела угроза не только заключения – прямая угроза самой жизни. За ними постоянно следили, их телефоны (в том числе рабочие, и всего их окружения) прослушивались, их почта перлюстрировалась. Однажды я получила на свой адрес небольшую бандероль для Бенора – помню там было карманное издание «Истории евреев», и еще помню, как мне было страшно. Но их запугать было невозможно, не смотря на то, что несколько раз они были на волосок от смерти (однажды несущаяся на большой скорости машина чуть не сбила их на пешеходном переходе). И вот как-то Бенор пригласил несколько человек (и меня в их числе) к себе домой – «отметить» его уход с работы. Это была моя первая встреча с Тамой. Умная, веселая, энергичная – с ней было легко и просто. Бенор включил магнитофон, звучали песни Галича... А потом он пригласил Таллу на вальс – они закружились – молодые, веселые, счастливые... А под окном у подъезда день и ночь дежурила машина с хмурыми серыми Гбистами... 9 мая 1977 года я узнала, что им надо покинуть страну чуть ли не в 3-х дневный срок. Тама немедленно бросилась в Свердловск – к могилам родных, чтобы

проститься, но даже этого ей не дали сделать – сняли с поезда. Помню, я помогала упаковывать вещи и поразилась ее деловитости, собранности... А потом – проводы, суматоха, шум, веселье и грусть одновременно, та же машина с ГБ-ухой у подъезда...

И началась 20-ти летняя переписка...

Где-то в середине 80-х я узнала, что Талла тяжело заболела... В письме Бенор добавил: «В России этот диагноз означал бы - конец». И началась борьба... Конец 80-х: «...два последних анализа показали отсутствие раковых клеток в крови, и появилась некоторая надежда!!! Все это время она работала и работает, и удалось ей создать такой режим работы и лечения, что одно относительно не мешало другому...»

Середина 81-го: «...Талла закончила основной курс лечения и результаты проверки – хорошие. Но, конечно, она слаба и медленно приходит в себя...» И она справилась! 30 лет жизни отвоевала она у смерти! И какой жизни! Активной, полноценной здоровой жизни с интересной работой, путешествиями, общением с близкими, друзьями, увлечением живописью. И главное – в своей семье, с Бенором, Аликом...

Вот открытки за 84-85 годы: Мадрид, Рим, Париж...

А вот и Америка – конец 86-го: «...а мы уже в Америке...

Медицинский факультет Чикагского Университета пригласил Таллу на год-два поработать в лаборатории электронной микроскопии. Ну а я, конечно, с ней...» В

апреле 98-го, по приглашению Таллы и Бенора, я гостила в их уютном домике в Балтиморе. Здесь я смогла лучше понять и оценить эту прекрасную женщину: прежде всего ее ум и деликатность, широту ее души и щедрость. Я провела прекрасную неделю – Талла и Бенор возили меня в самые интересные места Балтимора, Вашингтона; мы посещали музеи, ходили в гости просто гуляли, а главное – разговаривали, разговаривали...

С годами, став, может быть, чуть мягче, Талла сохранила свою бескомпромиссность в главном – не терпела ханжества, неблагодарности... Помню как ей не хотелось идти в гости к людям, зарабатывающим на Америке, и, одновременно ругающим и надсмехающимся над ней... Это была наша последняя «живая» встреча. Потом – годы электронного общения, разговоры по телефону. Она была всегда настроена на помощь. Услыжав по телефону мой кашель – тут же предложила прислать ингалятор, лекарства...

Вот одно из ее писем:

«Галя, привет!

...проблема с бронхами как у меня. Единственное, что мне помогло – это ингаляции. Я продолжаю получать жидкость для ингаляции и всякое оборудование, хотя теперь пользуюсь им крайне редко... Я могла бы все это пересылать. Единственное, что нужно иметь – это электрический ингалятор.

Поздравляю с Ханукой. Талла»

А вот после операции Бенора:

«Привет!

Бенор просил написать тебе пару строк о его состоянии. Операция прошла удачно, он уже дома, чувствует себя физически неплохо, немного ходит по дому, но ...апатия. К компу не хочет пока подходить. Надеюсь, что со временем пройдет. Позвони, мы перезвоним, по телефону он разговаривает. Наш тел. (760) 340-3643 Талла»

А сколько интересных статей, заметок, ссылок, фотографий я от нее получила за эти годы! Как тонко и ненавязчиво формировала она мои взгляды, мой вкус... Как же обидно, как горько – недообщались, недоговорили, недо..., недо..., недо...

И все-таки, все-таки... остались близкие, в которых она продолжает жить, друзья, которые любят и помнят ее... Была прекрасная долгая наполненная жизнь!

Из письма Бенора:

«...Вот уж месяц как мы дома. Отличная зимняя погода в Южной Калифорнии: солнце, голубое небо, тепло. Ходим в бассейн, общаемся с соседями, слушаем разные немудреные человеческие истории из прошлого и настоящего, наслаждаемся прекрасным калифорнийским вином.»

Письма к Эли от друзей

12 Октября 2010г.

Jason Cutler

Eli,

I was deeply saddened to hear about your and Ben's lost today. While I only knew Dorit for a short time, she had an ever lasting effect on me.

I will always remember her smile and cheerful attitude when times were good and when things weren't going as well. She of course had so much to be happy for, as she had family and friends that loved her so much.

I wish that during shiva you remember the happy good times she had on this earth. While you will mourn her loss, I know you will find the time to celebrate her life.

With much love,

Jason

David Cutler

Dear Eli,

I am sure events are progressing at a frantic pace with your Mom passing away, making the funeral arrangements, the actual burial and everything else you have to manage. Once you get back to Hua Hin with your Dad I imagine it will

seem very quiet, mundane and sad. I don't suppose there are many people who will be stopping by to sit shiva with you... unless that happens to a Buddhist tradition as well.

We all have been talking about you and your Mom for the past couple of days. Everyone agrees that what you did for her was truly remarkable. Much like what cavemen did 500,000 years ago.

There must be times when you must wonder if what actually has transpired over the past year has been real. You were handed a lousy situation, dreamt up an ideal way of handling it, and then made it happen better than anyone could have imagined. It is so sad she is gone, but she did live better and longer than any of the experts predicted. And once she had had enough, at least her suffering didn't last too long. She had angels taking care of her. We should all die such a good death.

I imagine you and Benor will be in mourning for the next month, so if that means you won't be communicating by text, phone or email, I understand. In the meantime, rest assured that my thoughts will be with you, and none of my family will ever forget the admirable example you set of caring for a dying parent. Thank you.

With love and admiration,

David

Harry Bellew

Dear Eli,

I am so so sorry to hear this news I know she had not been well for a while, but also that based on our chat at ITW that she had really enjoyed the move out to Thailand and especially that you were all together in such an amazing setting.

Having unfortunately gone through what you are experiencing right now all I can say is that while right now it is brutal and so sad, with time it does become much easier and instead of memories triggering sadness, memories become happy a very positive force.

My sincerest condolences to both you and your father and if you need anything at all or if I can help in any way or if you just want to talk please please call me.

Stay strong

Best regards,

Harry

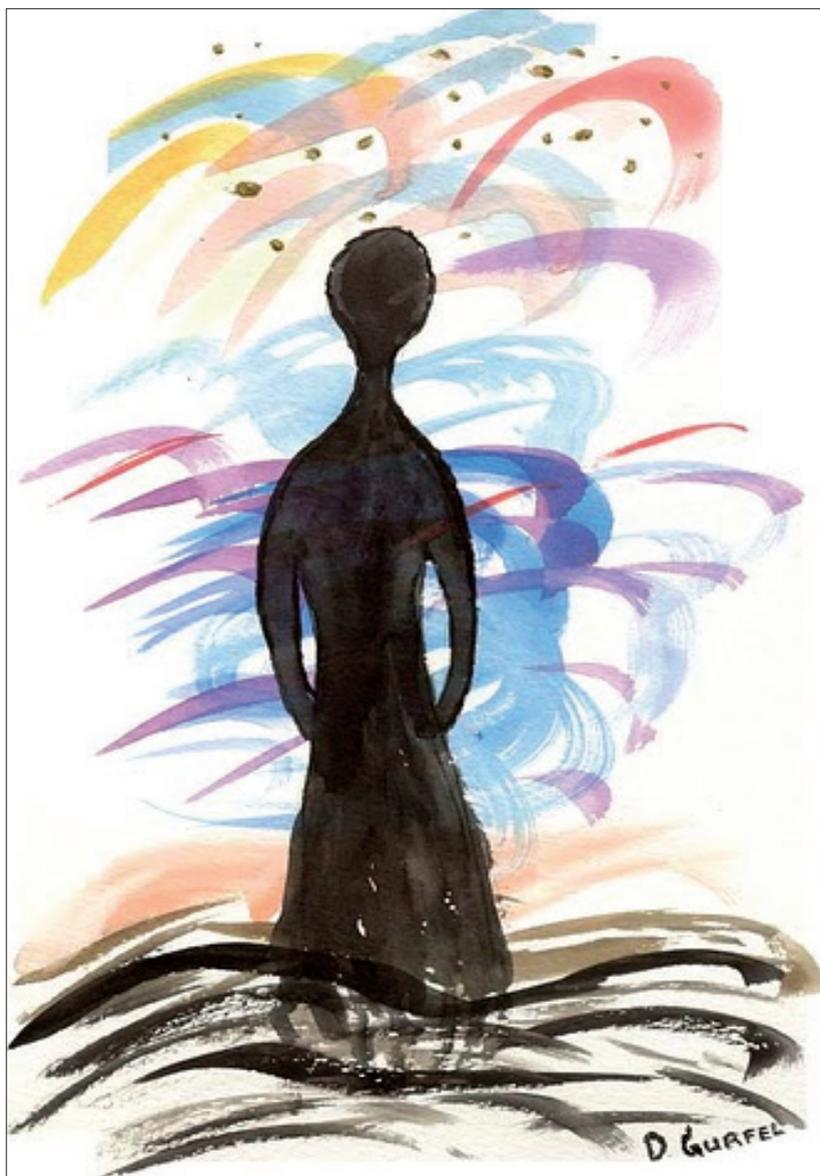

Глава 9

Рисунки Таллы

«Образы Души»

Когда солнцем полна голова...

Сторбо 1

Мореогор

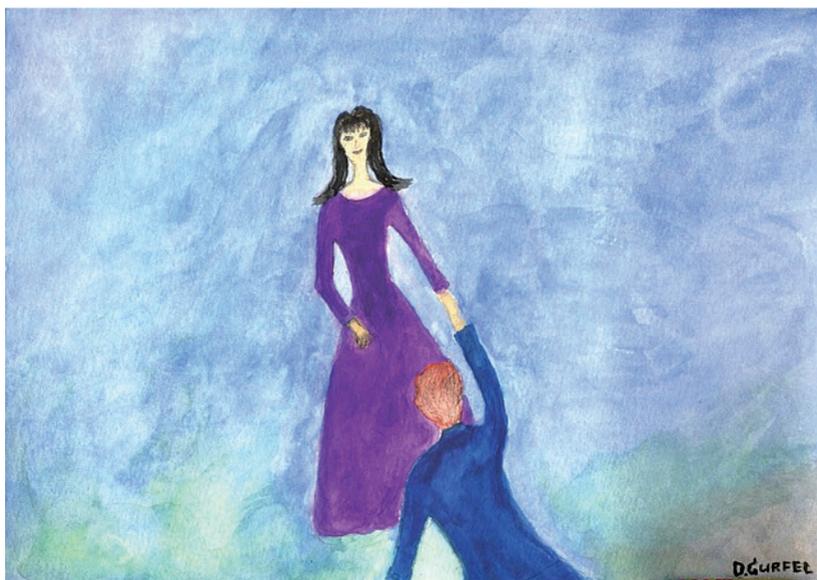
Сторбъ 2

3.10

Припадаю къ ногам твоим

Раввем

Голубое и зеленое

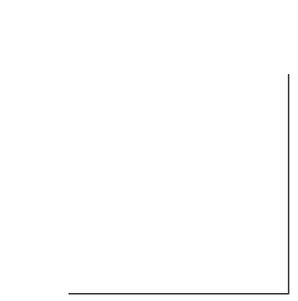

*Не счесть алмазов
в каменных пещерах...*

Эпилог

**Ведь жизнь «с горы» как скорый поезд мчится,
Как станции, проносятся года...
А вдруг сегодня что-нибудь случится,
И «завтра» не наступит никогда?!**

**Мы можем не успеть о самом главном,
О самом важном так и не сказать.
А сколько воплощать осталось планов,
Нам вряд ли кто-то сможет предсказать...**

28 октября 2009 года я позвонил в Лос-Анджелес доктору Соль Гамбург, онкологу мамы. Он сообщил мне, что в связи с тем, что химиотерапия стала уже очень тяжела для мамы, перспективы ухудшились, и ей осталось жить всего 4 месяца. В тот день доктор видел моих родителей и также сообщил им это заключение. Это было впервые с момента возвращения болезни в январе 2009 года (после 30 лет ремиссии), я не выдержал и заплакал.

Много лет назад и, особенно с началом маминой болезни, у меня появилась и больше не покидала мысль, как лучше всего организовать уход за мамой в этот период, и как помочь папе, оказавшемуся не готовым к этому. Он, как и его отец и отчим прежде, ожидал, что покинет этот мир раньше супруги.

Я столкнулся с огромными трудностями, пытаюсь заботиться о моих родителях в США, поскольку был единственным, кто мог о них позаботиться. Когда в начале

июля мамино здоровье ухудшилось и ей потребовался уже непрерывный уход, я предложил родителям переехать в Таиланд, где, как я чувствовал, они могут получить более внимательный и заботливый уход в приятной обстановке. Идею полностью поддержали.

В декабре 2009 года мы переехали в Таиланд, а после трех недель пребывания в Бангкоке, перебрались в город тихих и умиротворяющих пляжей – Хуа Хин. Мы встретили 2010-й год в нашем новом доме на пляже, и были счастливы от того, что находимся вместе.

В нашем доме постоянно находились несколько добрых и терпеливых людей, которые заботились о маме и папе 24 часа в сутки. Мы проводили время в прогулках, послеобеденном чаепитии, любовании закатами и просмотром российских фильмов перед ужином. Еда была всегда свежеприготовленной и включала большое разнообразие свежих фруктов и овощей, что полностью соответствовало маминной диете.

7-го мая 2010 года мы отмечали семьдесят четвертый день рождения мамы, в этот день из Израиля приехала мамина сестра Инна, специально, чтобы побыть с сестрой.

В конце июня мы переехали в другой дом на пляже. Это был уже последний дом для мамы. В августе мы все вместе отпраздновали мой и папин день рождения. Это был последний семейный праздник для мамы.

Каждый, кто пережил подобный опыт со своими родителями, знает, что последние несколько недель самые тяжелые и изнурительные. Мы отпраздновали Рош Хашана 8-го сентября, а в Йом Кипур мама уже была не в состоянии встать с постели.

Последние полтора месяца были очень тяжелыми для мамы и для нас всех. Видеть, как глубоко любимый человек страдает от боли, и жизнь покидает его тело, хотя сделано все возможное, это нелегкое испытание для любого человека. Мы все как одна команда – я, папа, Нан – ухаживали за мамой и кормили ее.

В конце сентября я улетел в г. Себу, Филиппины, на конференцию. Каждый раз, когда бы я ни позвонил, мама убеждала меня, что она в порядке и держится. Я знал, что она сможет продержаться и дождется моего возвращения.

Я вернулся домой сразу, как только узнал, что ее состояние резко ухудшилось. Это был последний раз, когда она была в сознании и чувствах.

12 октября в 00:30, после 53-х лет совместной жизни с папой, моя мама покинула этот мир во время сна. Я спал рядом с ней, как и моя будущая жена Нан.

Нас осталось мало, и осталось мало
друга верной дружбою в беге поддержать,
но бежим не прямо, но всегда упрямо
к своему пределу – жизнь не удержать.

Кто-то станет старшим и уйдет последним,
но придется младших провожать ему.
Лучше не завидовать, а дружеским сочувствием
«с неба» посочувствовать – трудно одному.

Ничего нет грустного в сказанном-написанном,
только констатация знания конца,
это помогает правилом неписанным
зрячим оставаться, победив слепца.

23 января 2011 г.
Стихотворения в память о Талле
Виталий Аронзон

БЕНОР ГУРФЕЛЬ
ЭЛИ ГУРФЕЛЬ

Через Меркури к Звездам

«ПЕР АСПЕРА – АД АСТРА»

Подписано в печать 31.01.2011. Формат 148x210.
Бумага дизайнерская. Печать цифровая.
Тираж 500 экз. Заказ 9008

Издательство “Интерпринт”, 2011 г.
Таиланд, Бангкок, ул. Суравонг
Лицензия № 01/09968 от 18.08.2000